

НОВЫЕ ПАПИРУСНЫЕ ТЕКСТЫ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЭПОСА И ЭЛЕГИИ

Настоящий обзор охватывает не известные ранее папирусные тексты, опубликованные с 1971 по 1981 г.; учтены также тексты, появившиеся ранее в периодической печати или сборниках, но вошедшие затем в издания сводного характера (см. ниже № 3 и 14)¹. Порядок изложения принят по жанрам, поскольку абсолютная хронология многих произведений, от которых дошли новые отрывки, далеко не всегда представляется возможной.

1. Из области эпоса наиболее обширным является текст, составляемый из восьми фрагментов, принадлежащих к папирусному свитку II в. н. э.² В сумме они дают остатки примерно сотни стихов из начала псевдогесиодовского «Каталога женщин». Ст. 25—27 в сохранившейся части совпадают с фр. 10 Меркельбаха—Веста³; ст. 49—55 — с фр. 11; ст. 55—65 — с фр. 14; ст. 92—103 — с фр. 16. Таким образом, порядок расположения этих четырех фрагментов подтверждается новым текстом. В то же время в нем находится место и для двух других, отодвинутых в издании Меркельбаха—Веста далеко от начала поэмы: фр. 123 совпадает теперь со ст. 17—19, фр. 245 — со ст. 62 нового папируса. Содержание его составляет родо-

¹ Я старался не пропустить сколько-нибудь значительных публикаций в научной литературе, но при обилии папирологических изданий и специальных журналов, выходящих во всех частях света, не могу поручиться, что вполне достиг своей цели. Поэтому я буду признателен за возможные дополнения к моему обзору и уже здесь хочу выразить самую искреннюю благодарность моим зарубежным коллегам, снабдившим меня разнообразными сведениями, изданиями, отписками и ксерокопиями: проф. Р. Меркельбаху, проф. М. фон Альбрехту (ФРГ), д-ру В. Луппе, доц. И. Эберту, д-ру Ю. Думмеру (ГДР), проф. Э. Тэрнеру, д-ру П. Парсонсу (Великобритания), проф. М. Гальяно (Испания), проф. Э. Дегани, проф. Б. Джентили, проф. Д. Дель Корно, проф. Р. Този (Италия).

² *Parsons P. J., Sijpestein P. J., Worp K. A. 'Hesiod', Γομακῶν Κατάλογος.*— In: *Papyri Greek and Egyptian* / Ed. in honour of E. G. Turner. L., 1981, p. 1—20.

³ *Fragmenta Hesiodica.* Ed. R. Merkelbach et M. L. West. Oxf., 1967.

словная трех сыновей Эллина — Дора (ст. 1—19), Ксуфа (ст. 20—24) и Эола (от ст. 25 до конца отрывка).

Имя Дора в нашем тексте не сохранилось, но три сына Эллина перечисляются в таком же порядке в фр. 9 MW, который, таким образом, должен предшествовать новому папирусу. В нем в самом же начале упоминаются гора Олимп (ст. 1) и город Аргос (ст. 2 и 3). Первое из этих названий находит объяснение у Геродота (I, 56): при Девкалионе дорийцы жили во Фтиотиде, при Доре, сыне Эллина, населяли землю у подножья Оссы и Олимпа. С Аргосом Дор до сих пор в мифологической традиции связан не был, но издатели папируса, исправляя текст Страбона⁴, полагают, что, согласно мифологической генеалогии, Дор женился на дочери аргосского царя Фороней; один из сыновей от этого брака, Эгимий, упоминаемый в папирусном тексте (ст. 10), в свою очередь, усыновил Гилла, который считался предком дорийских царей в Аргосе. Дальше, по-видимому, перечислялись дочери Дора; сохранилось имя одной из них — Ифтимы (ст. 13), о которой много столетий спустя находим сообщение у Диониса (Dionys. XIV, 112—116): от тайного брака с Гермесом она родила сатиров. Об этом же говорят ст. 17—19, уже известные ранее как цитата из «Каталога женщин»: от дочерей Дора «произошли богини — горные нимфы — и племя ни на что негодных, неспособных к труду сатиров, и божественные плясуны, любители игр Куреты». Таким образом, новый папирус впервые в литературных источниках объясняет ведущую роль дорийцев на Пелопоннесе — как родоначальников не только местных царей, но и низших божеств, олицетворяющих производительные силы природы.

В остатках ст. 20—24 находим характеристику какой-то женщины, «обладающей желанной внешностью» и являющейся дочерью «божественного Эреxfея», которую кто-то сделал своей «цветущей супругой». Далее упоминается «прекрасная Диомеда». Так как на дочери Эреxfея Креусе женился Ксуф, имевший от нее сыновей Иона и Ахея и дочь Диомеду, содержание этих стихов сомнения не вызывает: это краткая справка о ближайших потомках Ксуфа.

Со ст. 25 начинается подробная генеалогия Эолидов: перечисляются Крефей, Афамант, хитроумный Сисиф, несправедливый Салмоней и высокомерный Перийер; малоблагоприятные для двух последних определения не мешают автору обозначать их всех как «творящих суд царей», *θεμιστοκόλοι βασιλῆες*, которые достигли зрелости в отцовском доме и здесь же произвели на свет своих славных сыновей (ст. 28—30).

Дальше начинается самый обширный кусок текста (со ст. 31 до конца), воспроизводящий родословную пяти дочерей Эола — такое внимание к ним вполне понятно, поскольку перед нами не просто свод героических генеалогий, а каталог женщин.

Все пять дочерей Эола, разумеется, обладали «желанной внешностью» и были «подобны Харитам» (ст. 32—33). Сначала приводится генеалогия Перимеды (34), одним из правнуков которой оказывается Ойней, отец Тидея (52 и 55); попутно сообщается, что Тидей убил кого-то «копьем с длинным наконечником» (56), — история эта рассказывается в античных источниках по-разному, но все сходятся на том, что в результате совершенного убийства Тидей должен был покинуть родину, нашел приют и очищение у Адраста и принял затем участие в походе семерых против Фив⁵. Следовательно, по хронологии, которой придерживался автор «Каталога», дорийское вторжение в Пелопоннес произошло за пять поколений до похода «семерых», отделенного, в свою очередь, еще одним поколением от героев Троянской войны. Троянскую войну греки классического периода датировали серединой XIII в.⁶; стало быть, дорийское втор-

⁴ Strabo, X 3, 19, p. 471: † ἑκατέρωι; ed.: ἐκ Δόρου.

⁵ Apollod., Bibl. I 8,5. См. также примечание Фрэзера в его издании: Apollodorus. The Library. V. I. L., 1921, p. 72 f.

⁶ Herod., II, 145.

жение надо поместить, по их расчетам, в начале XV в. (6 поколений по 40 лет = 240 лет).

Рассказав вкратце историю Тидея ⁷, автор возвращался к следующей дочери Эола — Калике. Перечисление ее потомков, включая сюда Эндимиона ⁸, занимало десяток или немногим больше стихов.

Между маловразумительными остатками ст. 74 и ст. 89 — лакуна, которая, по мнению издателей, может быть отчасти заполнена обрывком, содержащим середины семи стихов (фр. 4). Из сохранившегося текста ясно, что речь шла о людях, которые, «наслаждаясь (друг другом) и в неосторожной любви... повредившись (благородным) разумом (τὸ σπῆμα καὶ μαφιδίη φιλότῃ[τι...] νόου βεβλαμμέν[οι ἐσθλοῦ]», сделали что-то такое, что вызвало негодование Зевса, и он «отмстил (им) с вершины сияющего Олимпа». Место для этой последней строчки фр. 4 издатели находят в ст. 89, где следы от единственной буквы, сохранившейся в начале стиха, могут быть приняты за *δзету* — начало слова Ζ[εὺς]. Эта на первый взгляд мало надежная идентификация по палеографическому признаку получает, однако, поддержку в содержании последующих ст. 90—98, большая часть которых (со ст. 92), как и дальнейших ст. 99—103, перекрывается уже известным фр. 16. Здесь упоминались Кеик, Алкиона и и какой-то тайный замысел Зевса, предсказать который не в силах никто из смертных ⁹.

Сочетание в этом фрагменте имен Кеика, Алкионы и Зевса уже раньше заставляло предполагать, что к «Каталогу» восходит версия мифа, известная из «Библиотеки» Аполлодора (I, 7, 4), схолиев к «Илиаде» (А к IX, 562) и к «Птицам» Аристофана (к ст. 250) и существенно отличающаяся от истории двух супругов в изложении Овидия (Metam. XI, 382—748). Согласно этой версии, Кеик и Алкиона погибли от своей надменности ¹⁰: они называли друг друга не иначе, как Зевсом и Герой, и Зевс, разгневавшись, превратил их в птицу ¹¹. Совсем недавно получено подтверждение, что впервые миф в этой форме был изложен действительно в «Каталоге».

Папирус конца II — начала III в. из Мичиганского собрания ¹² представляет собой сравнительно хорошо сохранившийся отрывок из позднеантичного «словаря превращений», составленного в алфавитном порядке с кратким изложением мифа и указанием на литературный источник. В ст. 14—19 мы находим уже известную нам версию мифа об Алкионе и отсылку к источнику: Гесиод, «Каталог женщин». Впрочем, есть в этом словаре и одно уточнение, отсутствующее в других изложениях: супруги величали себя Зевсом и Герой, «будучи страстно влюблены друг в друга» (ἀλλήλων δ' ἐρασθέντες). Восходит ли это добавление к «Каталогу»? Принадлежит ли оно составителю словаря, применившему к отношениям между супругами мерки эллинистической поэзии? На вопрос этот трудно дать бесспорный ответ. Однако сочетание μαφιδίη φιλότης, употребленное в разобранным выше фр. 4, говорит в пользу первого предположения.

В гомеровском эпосе и у Гесиода φιλότης обозначает взаимное чувственное влечение и обычно входит в формулу, описывающую соединение полов (φιλότης: μίγη, μίχθη, μίγνεται и т. п. ¹³; ср. в нашем папирусе ст. 35:

⁷ См. реконструкцию ст. 56—58 = фр. 14,2—4 в изд. Меркельбаха — Веста.

⁸ См. там же аппарат к фр. 245 = ст. 63.

⁹ Ст. 97—98 = фр. 16,7—8 в чтении Веста.

¹⁰ δὲ ὑπερηφάνεια; Apollod.; μέγα φρονήτας schol. II.; ἐπαρθέντες schol. Ag. Av.

¹¹ Переосмысление мифа, нашедшее отражение у Никандра и вслед за ним у Овидия, произошло, очевидно, в эллинистическое время, которым теперь большинство исследователей датирует послеплатоновский диалог «Алкиона», сохранившийся в лукиановском корпусе. См. Griffin A. H. F. Ceux Legend in Ovid. — Cl. Qu. 1981, v. 31, p. 147—154.

¹² Renner T. A Papyrus Dictionary of Metamorphoses. — HS, v. 82, 1978, p. 277—293.

¹³ Шопина Н. Р. Изображение любовного чувства в гомеровском эпосе. — ВДИ, 1975, № 1, с. 93 сл.

μίχθη φιλότῃ); этического содержания в этом существительном нет. В новом фрагменте *φιλότῃς* определяется как *μαφιδίη* — «опрометчивая», «неосторожная», т. е. рассматривается как форма отношений, доступная нравственной оценке и к тому же негативной: искренняя взаимная любовь между супругами, дающая им повод приравнивать себя к богам, оказывается для них губительной, в отличие от нерелефлирующего взаимного влечения полов, необходимого для продолжения рода. По меньшей мере за столетие до Еврипида¹⁴ мы встречаемся теперь с убеждением в том, что супружеский союз — место для проявления долга, а не чувства¹⁵.

2. Упомянутый выше папирусный фрагмент из «словаря превращений» позволяет ответить еще на один спорный вопрос, связанный с составом «гесиодовского» «Каталога». В ст. 1—6 сообщается, что Актеон, сын Аристея и Автонои, стремился к браку с Семелой и за это по воле Артемиды был превращен в оленя и растерзан собственными собаками, как об этом рассказывает Гесиод в «Каталоге женщин». Предположение о том, что миф об Актеоне — сопернике Зевса — в отношении Семелы получал отражение в «Каталоге», высказывалось уже достаточно давно¹⁶: в схолиях к Пиндару сохранились начальные стихи очередной «эои», посвященной Кирене, матери Аристея (Hes., fr. 215 MW); сам Аристей упоминался в «Каталоге» как сын Кирены и Аполлона (фр. 216); имя его встречается и в небольшом папирусном отрывке (P. Oxy. 2489 = fr. 217). Поэтому Лобель отнес предположительно к «Каталогу» и другой папирусный отрывок — P. Oxy. 30 (1964), № 2509. Здесь какая-то богиня, — вероятнее всего, Артемиды — посещает кентавра Хирона, воспитателя Актеона, и сообщает ему о будущем, которое суждено собакам, растерзавшим Актеона; прежде чем удалиться, она избавляет их от ранее насланного на них бешенства (*λύσσα*). Меркельбах и Вест не включили этот отрывок в свое издание, однако тщательное его исследование, заново произведенное Казановой¹⁷, подкрепляется теперь свидетельством Мичиганского папируса и заставляет признать, что миф об Актеоне в его наиболее ранней версии был изложен достаточно обстоятельно уже в «Каталоге»¹⁸.

3. С любопытным образцом послегомеровского эпоса знакомит нас палимпсест I в. до н. э. из Кельнского собрания¹⁹. Из трех составляющих его колонок лучше всего сохранилась средняя, насчитывающая 40 строк текста; расположенная справа от нее кол. III повреждена с правой стороны примерно на одну треть; от примыкающей слева кол. I дошло в пло-

¹⁴ Ср. *Jarcho V.* Pflicht und Genuß in den ehelichen Beziehungen der alten Athener (доклад на VII конгрессе ФИЕК, Будапешт, сентябрь 1979). См. также прим. 18.

¹⁵ Эта точка зрения целиком разделялась много столетий спустя и римлянами. По свидетельству Элия Спартиана, император Луций Вер, отнюдь не отличавшийся чистотой нравов, отказывался поделиться с супругой своим эротическим опытом, так как уxor dignitatis nomen est, non voluptatis (*Spart.*, Ael. 5, 11).

¹⁶ *Mallen L.* Kyrene. B., 1911, S. 18—26.

¹⁷ *Casanova A.* Il mito di Atteone nel Catalogo esiodeo.— RFIC, 1969, v. 97, p. 31—46.

¹⁸ Время создания «Каталога» остается все еще предметом дискуссии (см. *Stiewe K.* Die Entstehungszeit der hesiodischen Frauenkataloge.— *Philologus*, 1962, B. 106, S. 291—299; *ibid.*, 1963, B. 107, S. 1—29, особенно 20—29). Представляется все же более вероятным, что Стесихор заимствовал версию о соперничестве Зевса и Актеона (фр. 236 PMG, из Павсания IX, 2, 3) из «Каталога», чем автор «Каталога» — у Стесихора. См. *Schwartz J.* Pseudohesiodica. P., 1960, p. 552, 558. Во всяком случае, версия эта была достаточно распространена вплоть до эпохи эллинизма, пока не была вытеснена рассказом о гневе Артемиды, застигнутой Актеоном при купании (*Callim.*, *hymn. Minervae*, 100—116). О еще одном отрывке из «Каталога женщин» — P. Oxy. 42 (1974), № 2999 — трудно сказать что-нибудь определенное. Это узенькая полоска с начальными буквами 12 стихов. Последний из них, вероятно, соответствует фр. 73,1 MW и в этом случае относится к началу новой книги, повествуя об истории Аталанты.

¹⁹ *Koenen L., Merkelbach R.* Apollodoros (περὶ θεῶν), Epicharm und die Meropis.— In: *Collectanea Papyrologica. Texts published in honour of H. C. Youtie. Part I.* Bonn. 1976, p. 3—26; *Kölnner Papyri. B. 3*, bearb. von B. Kramer, M. Erler, D. Hagedorn und R. Hübner. Opladen, 1980, № 126, S. 23—33.

хом состоянии всего 7 строк: оборван верх и низ, так что между концом кол. I и началом кол. II образовалась лакуна в 21—22 строки.

Написанный прозой текст представляет собой отрывок из сочинения «О богах» Аполлодора Афинского, ученика Аристарха, одного из самых образованных и начитанных филологов александрийской школы. Деятельность его относится ко II в. до н. э.²⁰, так что новый папирус отделен не более чем столетием от времени создания широко известного в античности сочинения Аполлодора. Из этого же труда «О богах» несколько раньше стал известен папирусный отрывок из Оксирина (Р. Оху. 20, 2260), в котором речь идет о двух эпитетах Афины: *δολιχόροσ* и *Πάλλας*; для объяснения этимологии второго из них приводятся цитаты из Сестихора, Ивика, Еврипида и Каллимаха²¹. Та же тема обсуждается в новом папирусе с применением аналогичной системы изложения.

Автора и здесь интересует происхождение эпитетов Афины «Паллада» и «Тригогения». По поводу первого из них в античности существовало несколько объяснений; согласно одному из наиболее распространенных, это прозвище возникло от имени гиганта Палланта: убив его, Афина содрала с него кожу, которой стала пользоваться для защиты тела в сражениях²². В подтверждение этой версии Аполлодор сначала приводит пять стихов из Эпихарма²³, а затем сообщает, что он натолкнулся на поэму неизвестного автора под названием «Меропида», в которой описывались события, связанные с появлением Геракла на о-ве Кос. Древнейшими жителями этого острова были меропы (отсюда название поэмы), и среди них особенно выделялся своей силой некий Астер (*ἼΑστερος*), отличавшийся к тому же неуязвимостью. В сражении с ним Гераклу и прибывшим вместе с ним людям пришлось плохо, так что в дело должна была вмешаться Афина. Сразив же Астера, она поняла, что может воспользоваться его кожей как средством защиты в опасности, и содрала ее с убитого. По мнению Аполлодора, это поэма какого-то послегомеровского автора, и ради необычности излагаемого в ней сюжета он делает из нее выписки (6 цитат, в общей сложности 24 гексаметра). Вот их прозаический перевод (я не оговариваю очевидные дополнения, сделанные издателями).

Фр. 1: «Затем он прибыл к другим бесчисленным племенам — меропов, пробуя тетиву...».

Фр. 2: «Но Астера его стрела не могла укротить. Трижды он шел на него с натянутой тетивой, но грозная стрела не пробивала его кожу, а как от неприступной скалы, отскакивала на землю. Горькая скорбь охватила Геракла, когда он это увидел».

²⁰ RE, 1894, В. I, S. 2855—2886.

²¹ Опубликовавший этот папирус Лобель считал его комментарием к поэтическому тексту. Однако Меркельбах сумел всестороннее обосновать «теологический» характер нового отрывка и его принадлежность Аполлодору (*Merkelbach R. Literarische Texte unter Ausschluß der christlichen.*— APF, 1956, В. 16, S. 115—117). Иначе обстоит дело с другим папирусом, в котором издатели нового текста хотя и видят тоже текст из Аполлодора,— P. Berol. inv. 9571 (*Schubart W. Fragment eines Buches über den Dithyrambos.*— APF, 1941, В. 14, S. 24—29). Однако больше похоже, что мы имеем дело с каким-то сочинением на историко-литературную тему, в котором, может быть, были использованы результаты этимологических штудий Аполлодора. См. *Del Corno D. P. Berol. 9571 verso über den Dithyrambos. Pindar und die Poetik des Aristoteles.*— In: *Akten des XIII. Internationalen Papyrologenkongresses. München, 1974, S. 99—110.*

²² О методологии аполлодоровских объяснений эпитетов богов и ее влиянии на последующих лексикографов, схолиастов и т. п. см.: *Henrichs A. Philodems De Pietate als mythographische Quelle.*— *Cronache Ercolanesi*, 1975, v. 5, p. 23—34. Другие, недавно обнаруженные примеры этимологических разысканий Аполлодора см.: *Theodoridis Ch. Vier neue Bruchstücke des Apollodoros von Athen.*— *RhM*, 1979, В. 122, S. 9—17.

²³ V. 8—16 = Fr. 85a in: *Comicorum Graecorum fragmenta in papyris reperta.* Ed. Austin C. V.— N. Y., 1973. Перевод: «(Появившись) из головы Зевса, она, говорят, сильнее всех поразила в битве, произошедшей после Крона, Палланта, а его шкурой тотчас облекла себя вокруг, чтобы внушать страх: поэтому все называют ее с тех пор Палладой».

Фр. 3: «И тогда Астер убил бы Геракла, если бы Афина не прогремела грозно громом, спустившись из-за облаков; ударив ладонью в его ²⁴ крепкое тело, она появилась впереди владыки Геракла... Он же по биению сердца узнал богиню».

Фр. 4: «Тогда он пошел на множество меропов, Афина же поразила копьем в грудь (Астера), и он рухнул, ибо удары бессмертных непохожи на удары смертных, живущих на земле. Он упал ничком, и смертный мрак смежил его взоры ²⁵... В Аид сошел его надменный дух».

Фр. 5: «И его кожу Афина решила надеть на себя».

Фр. 6: «Она содрала всю его могучую шкуру, которая вскоре затем ²⁶ высохла. Богиня полила ее амбросией и обернула вокруг тела вместе с руками и широкими сандалиями. И так одевшись, она возрадовалась».

Дальше следует указание, что еще какой-то автор согласен с «Меропидой» в том, что Афина надела шкуру Астера, однако не... — здесь текст обрывается.

Новый папирус представляет значительный интерес для истории послегомеровского эпоса.

Во-первых, мы впервые узнаем о существовании косского эпоса «Меропида»²⁷, принадлежавшего, очевидно, к группе аналогичных поэм «местного значения»: о героическом прошлом Аргоса повествовали «Форонида» и «Данаида», Афин — «Тесеида»²⁸ и т. п.

Во-вторых, получаем некоторый доступ в технику создания таких поэм, отличающуюся своеобразной контаминацией мифологических мотивов. Так, о том, что Кос населяли меропы, знал уже автор гомеровского гимна к Аполлону (ст. 42); о высадке на Косе Геракла, на которого после разрушения им Трои наслала бурю на море Гера, известно Гомеру (Ил. XIV, 249—256; XV, 24—30) и автору «Каталога женщин» (фр. 43 а, 60—65). У Пиндара есть воспоминания о том, как Геракл с Теламоном после взятия Трои перебили меропов, а затем в битве на Флегрейском поле сразили Алкионея²⁹. Примерно так же излагается история в псевдоаполлодорской «Библиотеке» (II 7, 1), с той лишь разницей, что Геракл получает в бою рану от косского героя Халкодонта и выносятся из сражения Зевсом. По свидетельству сход. к Ил. XIV 255, история эта восходит к Ферекиду, — следовательно, была известна уже в VI в. «Меропида» не только излагала рассказ о войне с меропами, но и переносила на землю Коса сражение Геракла с гигантом, заменив Алкионея не известным ранее на Косе Астером и изобразив этот поединок отнюдь не ко славе Геракла, так что роль его спасителя приходится брать на себя Афине, подобно тому как только с ее помощью на известных метопах храма Зевса в Олимпии Гераклу удавалось поддерживать небесный свод, очистить Авгиевы конюшни и, вероятно, одолеть немейского льва (ср. ниже № 17).

Затем, происхождение эгиды Афины традиция объясняла, как уже указывалось, ее победой над Паллантом³⁰, ничего не зная, впрочем, о его неуязвимости. Неуязвимым же был задушенный Гераклом немей-

²⁴ Разумеется, в тело Геракла — ἀπαλὸν χρῶα; к неуязвимому Астеру этот образ не подходит.

²⁵ Μέλας δὲ περιε[γ] εὐ]ρώς — Merkelbach; ἑπερ[ε]δ[ε]το εὐ]ρώς — Führer R. Zur Meropis. — ЗРЕ, 1977, В. 24, S. 42.

²⁶ [αἴψα δὲ]πέπλος) ἀνάθη ed. pr.; [αἴψα δὲ]πεπτα — Parsons P. Recent Papyrus Finds: Greek Poetry, n. 48 (доклад, прочитанный на заседании VII конгресса ФИЕГ, сентябрь 1979; цитирую по любезно предоставленному мне автором машинописному экземпляру).

²⁷ После открытия кельнского папируса А. Хенриксу удалось показать, что «Меропида» была известна через Аполлодора также Филодему (Henrichs A. Ein Meropiszitat in Philodemos «De Pietate». — Cronache Ercolanesi, 1977, v. 7, p. 124 f.).

²⁸ Huxley G. L. Greek Epic Poetry: From Eumelos to Panyassis. L., 1969, p. 31—38, 113—123.

²⁹ Pind., Nem. 4, 25—27; Isthm. 6, 31—35; fr. 33a Sn., 3—6 cum notis; sch. Nem. 4, 40.

³⁰ Koenen, Merkelbach. Op. cit., S. 16 f.; Henrichs. Philodemos De Pietate..., p. 29—31.

ский лев; содрав с него шкуру, Геракл стал пользоваться ею и как трофеем, и как защитой от стрел. В «Меропиде» сражение Афины с Паллантом заменено ее победой над Астером³¹ и коже последнего приданы качества, которыми отличалась шкура немейского льва. Источником «Меропиды» были, вероятно, поэмы о Геракле Писандра и Паниасида³², история с львиной шкурой не слишком умело перенесена на кожу Астера.

Несомненным заимствованием из Гомера является фр. 3 «Меропиды». Подобно тому как в I кн. «Илиады» Афина хватает за волосы Ахилла, желая отвлечь его от убийства Агамемнона (ст. 197), так в «Меропиде» Афина ударяет ладонью Геракла³³; но Ахилл узнает богию по грозному сиянию очей и застынет, оцепенев (199 сл.); Геракл — по биению сердца (ἐν ἀσθματι θυμοῦ), не свойственному обычно гомеровским героям, не говоря уже о негомеровском употреблении самого понятия θυμός³⁴. Совершенно комический характер носит другое заимствование из Гомера в фр. 6. Божественные существа применяют у него амбросию в обращении со смертными в двух случаях: Фетида вливает ее в ноздри умершего Патрокла, чтобы предохранить тело от тления (Ил. XIX, 38 сл.); Эйдоея помогает Менелаю и его спутникам вынести запах тюленей Протея, накапав им в ноздри амбросии (Од. IV, 445). В «Меропиде» Афина опрыскивает амбросией кожу Астера, чтобы без отвращения надеть ее на себя. Парсонс (op. cit., p. 7) вполне справедливо видит в этом и во многих других случаях использования гомеровской лексики в «Меропиде» предвестие той словесной игры, которой будет отличаться александрийская поэзия. К этому и последующим периодам греческой литературы относятся наши № 4—15.

4. От поэмы Эратосфена «Гермес» мы располагали до сих пор незначительными отрывками³⁵, из которых было ясно, что речь шла в ней о рождении бога в Аркадии (фр. 6 и 7) и образовании Млечного пути (фр. 2), о его воровских проделках в детстве и о похищении коров Аполлона (фр. 1, 9, 10, может быть, 4 и 8 — его путешествие). Новый папирусный отрывок³⁶ ни в чем не перекликается ни с ранее известными фрагментами, ни с той частью поэмы, в которой со времен Гиллера фон Герtringена постулируется восхождение Гермеса к небесным сферам, где он обнаружил, что движение сфер созвучно тонам изобретенной им лиры³⁷. Папирус, датируемый I в. до н. э. — I в. н. э., представляет собой остаток двух колонок; от левой сохранились сверху окончания семи стихов, от правой — начальные стопы двух последних гексаметров и заключительная пометка: «Гермес» Эратосфена. Число стихов — далее читается буква X, начальная от χίλιοι, и угадываются остатки знаков, которые указывают, что в поэме сверх тысячи было еще либо 540, либо 670 стихов. Таким образом, впервые становится известным объем поэмы — около 1600 гексаметров. Между двумя колонками уцелели схолии к отдельным стихам левой колонки, почти целиком утраченной.

Среди остатков этой колонки читаются эпитет Гермеса ἐριούνης (ст. 3)³⁸ и сочетание]νιαχπ... (8), которое издатель 42-го тома Парсонс предла-

³¹ Может быть, поводом для этого послужило упоминание у Гесиода (Theog. 376—378) бога Астрея, брата Палланта?

³² Henrichs A. Zur Meropis: Herakles' Löwenfell und Athenas zweite Haut.— ZPE, 1977, В. 27, S. 69—75.

³³ Ср. также фразеологизм [καὶ νό] χεν...εἰ μὴ... («Меропида», фр. 3, 1 — Ил. V, 311 сл.; XX 291), φαῖα θεη в конце стиха («Меропида», фр. 3, 3 — Ил. I, 200).

³⁴ Столь же не гомеровское употребление θυμός в фр. 4, 5: у Гомера в Анд отлетает ψυχῆ, и только в одном позднем стихе эта функция передается θυμός: Ил. VII, 131. См. Snell B. Die Entdeckung des Geistes. 4. Aufl. Göttingen, 1975, S. 21.

³⁵ Powell J. U. Collectanea Alexandrina. Oxf., 1925, p. 58—60.

³⁶ P. Oxy. 42 (1974), № 3000.

³⁷ Powell. Op. cit., p. 58 f.; Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. 2 Aufl. Bern — München, 1963, S. 839.

³⁸ В этой форме — только дважды у Гомера (Ил. XX, 34; Од. VIII, 322). Обычно — ἐριούνης.

гает восполнить до $\kappa\acute{o}\lambda\mu\alpha$ $\chi\acute{o}\pi\rho\iota\varsigma$, — предложение вполне основательное, так как в уцелевших схолиях упоминаются остров Кипр и Пафос — место рождения Афродиты (сх. 1—3), а также некий храм, замечательный тем, что на него никогда не попадают струи дождя (сх. 6—8), и какой-то предмет утвари, похожий на квашню (*παρὰ πλῆξιον σκαφάβητι*), в котором замешиваются (жертвенные?) лепешки (сх. 13—15). Очевидно, в не сохранившейся колонке излагалась история учреждения культа Афродиты в Пафосе. Основателем Пафоса традиция называла Кинира, потомка Гермеса в шестом колене и отца Адониса³⁹. Таким образом, генеалогическое древо Гермеса приходило в соприкосновение с историей несчастной любви Киприды. Как обосновывалась такая перекличка между «биографиями» двух богов, нам неизвестно.

Поэма заканчивалась двустихием (кол. II, ст. 1—2), в котором каким-то образом сопоставлялись «язык» (живая речь? $\gamma\lambda\omega\sigma\sigma\alpha$) и «запись» ($\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ $\alpha\lambda\lambda\eta\rho\acute{o}\tau\omega\nu$), — современные лингвисты много отдали бы, чтобы получить это свидетельство из III в. до н. э. в полном виде.

5. О поэме «Messeniaca» Риана, современника Эратосфена, мы до недавнего времени знали тоже не слишком много⁴⁰. Павсаний ссылается на нее как на свой главный источник по истории второй Мессенской войны после битвы у так называемого Большого рва и сообщает, что Риан особенно прославил героя этой войны Аристомена (IV, 6,2—5). Вся беда, однако, в том, что современные историки отрицают какую бы то ни было связь Аристомена с событиями второй Мессенской войны⁴¹; нет также единогласия в вопросе о характере заимствований, сделанных Павсанием у Риана: в то время как одни исследователи постулируют существование источника-посредника между двумя авторами («мессенский аноним»), разделенными примерно четырьмя столетиями⁴², другие настаивают на прямом знакомстве Павсания с эпосом Риана⁴³. В этих условиях дополнительный свет на давно обсуждаемый вопрос может пролить новый папирусный фрагмент, приписываемый с большой долей вероятности Риану.

Этот фрагмент, Р. Оху. 39 (1972), № 2883, состоит, в свою очередь, из двух кусочков, причем по содержанию фр. 2 представляется принадлежащим к более ранней стадии изложения, чем более обширный фр. 1. К тому же в конце фр. 2 стоит значок, свидетельствующий об окончании книги (всего в поэме было 6 книг). Таким образом, похоже, что одна книга кончалась описанием событий, от которого сохранился фр. 2, а в другой воспроизводилась речь вождя, составляющая содержание фр. 1. В таком порядке я даю перевод.

Фр. 2: «(Сказав) так, он прекратил битву, и войско подчинилось (темной) ночи, ибо, гордясь победой, оно страстно желало, хоть и утомленное, противостоять врагам даже во тьме (1—3). Для лаконцев же наступление ночного мрака было желанным (4)». Здесь книга кончалась.

Фр. 1: «...стоять, как и раньше... Но об этом по воле богов позаботимся впоследствии (1—3). С помощью Зевса скоро, пожалуй, увидим их, бегущих без оглядки на рассвете и укрощенных нашими стрелами, чтобы

³⁹ *Apollod.*, *Bibl.* III, 13,3—4. Гигин несколько раз называет Кинира сыном некоего Пафоса (fab. 242,4; 270,4; 275,7), который, правда, более точно не определяется.

⁴⁰ *Powell*. *Op. cit.*, fr. 49—55 — в общей сложности 5 стихов и ссылки на 3 географических названия.

⁴¹ См., например, *Aly W.* *Πανός*. — In: *RE*, B. 1 (2 Reihe), 1914, S. 784; *Jacoby F.* *Die Fragmente der griechischen Historiker*. III a. Leiden, 1964, S. 109, 169—181; *Huxley G. L.* *Early Sparta*. L., 1962, p. 56; *Oliva P.* *Sparta and her Social Problems*. Prague, 1971, p. 139—146 (там же — предшествующая литература).

⁴² *Jacoby*. *Op. cit.*, S. 119—169; *Wade-Gery H. T.* *The 'Rhianos-Hypothesis'*. — In: *Ancient Society and Institutions*. Studies presented to V. Ehrenberg... N. Y., 1967, p. 291—298.

⁴³ *Pearson L.* *The Pseudo-History of Messenia and its Authors*. — *Historia*, 1962, B. 11, S. 420—426.

кто-нибудь в Спарте, удрученный тяжелой раной, вспоминал нас, не уйдя невредимым (4—7). Итак, (это) пусть, как подобает, свершит Кронион (8). (Вы) же, стражи, жгите костры и с готовностью ... охраняйте извне свой любимый город (9—10). И сам я, поскольку это значительно лучше, не останусь в доме, но тотчас обойду стражу — (не потому, чтобы) мы ждали опасности со стороны врагов, но подобает (командиру? во время войны?) все делать и обдумывать с твердым духом (11—14). ... и вместе с ним закричало (с одобрением) войско» (15).

Как видно из отрывков, дело происходит в осажденном городе, защитники которого только что совершили удачную вылазку, нанеся поражение спартамцам (фр. 2). К войску, собравшемуся с наступлением ночи внутри крепостных стен, обращается предводитель, рассчитывающий, что на следующее утро удастся обратить противника в бегство; пока же не следует терять бдительности — отсюда наставления командира ночной страже и собственная готовность проверить посты (фр. 1).

Если мы захотим соотнести эти фрагменты Риана с повествованием Павсания, то единственным подходящим местом действия надо признать мессенское укрепление на горе Гире: в фр. 1, ст. 10, речь идет об охране извне (ἐκτοσθεν) любимого города, в то время как все предыдущие сражения происходили на открытом месте. С другой стороны, Павсаний сообщает, что засевшие на Гире мессеняне совершали оттуда набеги на Лакедемон и мессенскую землю, захваченную спартамцами (IV, 18. 1—2). Наконец, из Тиртея, чьи свидетельства о событиях второй Мессенской войны во всяком случае заслуживают доверия (см. ниже № 16), мы знаем, что спартамцам не всегда улыбалось военное счастье. Возможно, что одно из сражений во время многолетней войны за Гиру сложилось для них настолько неудачно, что лишь ночь спасла их от поражения, а мессеняне получили надежду на энергичное наступление на рассвете. Так, по крайней мере, следует из папирусного отрывка Риана, который вполне вписывается в изложение событий у Павсания. Сам же вопрос об исторической достоверности этого изложения по-прежнему остается открытым, и спор между теми исследователями, которые принимают осаду Гиры за реальный факт⁴⁴, и теми, кто отрицает надежность Риана и Павсания как исторического источника⁴⁵, может продолжаться⁴⁶.

В о и н с к а я тематика прослеживается еще в двух отрывках в гексаметрах, авторство которых, однако, не поддается установлению.

6. Целая колонка из 36 стихов, написанная на папирусе II в. н. э., повествует о войне греков с персами⁴⁷. К сожалению, ее верхняя половина плохо сохранилась, и до ст. 15 читаются только отдельные слова или буквы. В ст. 16 весьма вероятно восстановление [Μιλ]τιάδου и соответственно в конце стиха — ἐν Μα[ραθῶνι]; в ст. 17 — [Σ]αλαμί[ν]. После встречающегося в ст. 18 слова βασιλῆος (имелся в виду, скорее всего, персидский царь) перечисляются «те, кто населяет суровый Лакедемон, живущие по соседству аркадяне с (такой же?) отвагой, фракийцы, живущие на окраине Понта» (ст. 20—22 с перестановкой 21 и 22 по предложению Лобеля). В ст. 25 и 33 передаются чьи-то речи («собрать из вас войско и затем...»); «у вас же не будет нужды», — где начинается первая из них и кому принадлежат обе, остается загадочным. Из первой речи выясняется,

⁴⁴ Хаксли (op. cit., p. 57) датирует захват Гиры 657 г., в согласии с Павсанием. За достоверный факт принимал осаду Гиры А. К. Бергер — см. сб.: Древняя Греция. М., 1956, с. 99. Ср. также *Cartledge P. Sparta and Laconia. L., 1979, p. 127 f.*

⁴⁵ *Oliva. Op. cit., p. 113; Pearson. Op. cit., p. 404; Wade-Gery. Op. cit., p. 295—297.*

⁴⁶ Труднее обстоит дело при попытке согласовать рассказ Павсания с ранее опубликованным папирусным фрагментом, который Э. Лобель тоже отнес к «Messeniaca» Риана (P. Oxy. 30, 1964, № 2522 AB). См. *Corbetta C. A proposito di due frammenti di Riano. — Aegyptus, 1978, v. 58, p. 137—150.* Вывод итальянской исследовательницы, согласно которому Павсаний и здесь верно следовал за своим эпическим источником, представляется мне несколько поспешным.

⁴⁷ P. Oxy. 37 (1971), № 2814.

принадлежащая женскому персонажу (формы женск. рода в ст. 17—18). Говорящая упрекает обидчика, который «опозорил» ее и «осквернил» (клятву), за что она готова призвать на его голову Эриний (8, 11); попутно упоминались «свадебные дары» (10) — то ли принесенные им раньше, то ли посылаемые теперь другой. Далее продолжалась ее жалоба: «(Лучше бы? или: Все равно, как если бы) ты убил меня острой медью!» (12). «...Ты навлек на меня позор хуже (злой смерти?)... Сделал у людей (меня посмешищем? имя мое бесславным?)... Была бы сочтена ревнивой... (Никто из) богов не позаботился обо мне... (не сжалился) над моим многострадальным ложем. (Ты оставил меня? взял меня?), не познавшую любви, когда я спала» (13—18). От ст. 19—20 остались только два слова: «исцелить» и «(бо)гам жертву».

Наш перевод, восходящий к реконструкции первой издательницы папируса Б. Крамер и предложениям помогавших ей коллег, носит по неизбежности достаточно приблизительный характер.

Ясно в любом случае одно: говорящая — покинутая девушка или женщина, и среди трех возможных кандидаток на эту роль надо выбирать между Медеей, Дидоной и Ариадной. Против первых двух могут быть выдвинуты чисто умозрительные доводы: после Аполлония Родосского едва ли имело смысл возвращаться в эпосе к истории Меды, а судьба карфагенской Дидоны вряд ли кого-нибудь сильно интересовала вне Рима. Поэтому наиболее вероятной покинутой в нашем отрывке надо признать, вслед за издательницей, Ариадну, хотя и здесь не совсем ясно, какие «свадебные дары» могла иметь в виду в своей специфической ситуации дочь Миноса и почему она стала бы называть свое ложе многострадальным. Зато, принимая в качестве говорящей Ариадну, мы получаем возможность для весьма поучительного сравнения нескольких папирусных строк с более подробным изложением того же эпизода у Катутла, LXIV, 132—201, и в 10-й «Героиде» Овидия, — допущение для обоих эллинистического прототипа не нуждается в доказательствах после открытия папирусных текстов Каллимаха⁵⁸, и, может быть, новый отрывок из Кельнского собрания откроет для нас еще одну главу во взаимоотношениях римской «ученой» поэзии с ее греческими оригиналами?

10. От несколько более раннего папируса (середина II в. н. э.)⁵⁹ дошла колонка в 21 гексаметр, из которых сохранились преимущественно начала стихов. Речь идет здесь об охоте и какой-то нечаянной жертве: упоминаются «массаетская стрела» и чьи-то руки, «натягивающие лук», который «быстро округлился»; читаем про «оперение грозно звучащей (стрелы)» и про удар, пришедшийся в сердце; свидетели этого — нимфы — «громко закричали... и стали рвать на себе волосы» (ст. 1—7). Кто-то из участников этой трагедии — то ли стрелок, то ли его жертва — «всегда убивал(а?) зверей» (9), кто-то мучается «испепеляющими терзаниями» (11); слышим про «светлый ручей» (12) и «деву» (13). Со ст. 17 мужскому участнику эпизода напоминают о его встречах с девой-охотницей: «Ты видел обогретенное кровью течение Эсепа, текущее изгибом (букв.: „вокруг локтя“)... женское... ощущывая наконечник копья... мигдонийским де-вушкам... с Арганфонской горы⁶⁰, возвращающуюся с охоты — ты мог видеть. И часто, давая знак охотничьим псам девы-менады...» — здесь

⁵⁸ *Callim.*, fr. 110 Pf. = *Cat.*, LXVI. Из литературы: L'influence grecque sur la poésie latine de Catulle à Ovide (Entretiens sur l'antiquité classique, t. II). Vandoeuvre—Geneve, 1953; *Wimmel W.* Kallimachos in Rom. Wiesbaden, 1960; *Pepe L.* Studi catulliani. Napoli, 1963; *Clausen W.* Callimachus and Latin Poetry.—GRBS, 1964, v. 5, 181—196; *Fraschini A. E.* Contribucion al estudio comparativo de la lirica alejandrina y la de los neotericos. Calimaco y Catulo.—Anales de filologia classica, Buenos Aires, v. 9, 1966, p. 157—195; *Hausen P.*, *Tortzen Ch. G.* Berenikes plokamos: coma Berenices.—Museum Tusculanum, 1973, B. 20, S. 29—54; *Manfredi A.* La Chioma di Berenice.—Rivista di studi classici, Torino, 1975, v. 23, p. 231—264.

⁵⁹ P. Оху. 37 (1971), № 2817.

⁶⁰ Перевод ст. 17—19 — по чтению Лупше (op. cit., S. 329).

текст обрывается. Как видно, действие в этой истории происходит на юго-западном берегу Пропонтиды, в области мисийских мигдонов, где над городом Киосом (Прусией) возвышается гора Арганфоний⁶¹, а содержание отрывка составляет несчастный случай на охоте. Оставшемуся в одиночестве возлюбленному напоминают о его счастливым прошлом. В качестве действующих лиц Лобель предложил Реса и охотницу Арганфону, о любви которых повествовал Парфений в гл. 36 своих «Любовных историй»⁶². Однако у Парфения нет ничего о трагическом происшествии на охоте: здесь Арганфона умирает от тоски по Ресу, погибшему под Троей. Поэтому вернее предположить, что дошедший до нас отрывок заимствован из какого-то другого эротического эпоса. Тематика его выдает литературу эллинистического периода, хотя воспоминание о «светлом ручье», послужившем местом свидания, может уводить к топике еврипидовского «Ишполита», ст. 208—211, 225—227.

11. Некоторые намеки на содержание еще одного эротического повествования в гексаметрах дают четыре фрагмента IV в. н. э. из флорентийского собрания⁶³. Наиболее крупный из них — фрагмент А — представляет собой узкую полосу, содержащую одну-две начальные стопы от 28 гексаметров (ст. 4—31; от ст. 1—2 никаких следов, от ст. 3 — одно начальное «αι...»). Из словосочетаний *ὡς εἰπὼν* (20) и *ὡς φάτο* (24) ясно, что в ст. 20 кончалась речь одного персонажа, в ст. 24 — краткий ответ другого. В первой речи встречаем имя Киприды (6), риторические вопросы (τις, 4 и 7), упоминание канатов, натягивающих мачту (13), и троянцев (16). По-видимому, говорящих кого-то убеждал или что-то доказывал (ἀλλ' εἰπὴς, 14 — «все же», «во всяком случае»), указывая при этом на события, ожидаемые завтра (ἀύριον, 15). Νήπιος, стоящее в начале ст. 21, является, может быть, авторским комментарием к приведенной речи («так он сказал..., неразумный...»⁶⁴). После окончания ответной реплики (22—23), содержание которой неизвестно, читаем *ἦελος* и *νοκτα* (25 сл.) — после захода солнца наступила ночь (за ней, очевидно, последует ожидаемое «завтра»), ушли на покой «поколение богов» (*φάλα θεῶν*), и, вероятно, смертные, — одна только (ἀλλὰ[]μοῦνη[]) (28 сл.), ближе не известная особа женского рода «металась в мыслях» (*πλάζε[το]*, 30) по причине, на которую, вероятно, указывало упоминание Киприды и готовящегося к отплытию корабля в ст. 6 и 13. Может быть, как раз здесь изображались терзания Дидоны?

С точки зрения стиля и лексики почти ничто не мешает отнести новый текст к послегомеровскому эпосу. Но изображение переживаний молодой женщины, противопоставляемых покою всех остальных⁶⁵, больше подходило бы к эллинистическому или еще более позднему времени. К этому склоняется и первый издатель текста, считая его возможным автором какого-нибудь «гомеризирующего» провинциального поэта типа Квинта Смирнского⁶⁶.

Наконец, еще три отрывка в гексаметрах могут быть объединены как трактующие космо- и теогонические мотивы.

12. Вероятно, к эллинистическому периоду следует отнести фрагмент из космогонического сочинения, дошедшей на папирусе II—III вв.⁶⁷ В хорошем состоянии сохранилось 16 стихов, из которых первые восемь содержат насыщенное гесиодовскими оборотами и формулами обращение

⁶¹ *Strabo*, XII, 4, 3, С 564.

⁶² *Parthenius*, 36, in: *Mythographia Graeci*. II, 1. Suppl. Ed. E. Martini. Lpz., 1902.

⁶³ *Livrea E. Un nuovo frammento epico fiorentino.* — *ZPE*, 1979, В. 35, S. 33—40.

⁶⁴ *Ср.* Ил. II, 38; XVII, 236.

⁶⁵ *Livrea. Op. cit.*, S. 38 f. (ad v. 28).

⁶⁶ В пользу позднего происхождения могло бы служить прилагательное *ἐγερσιμος* «возбуждающий бой», если бы подтвердилось его чтение в фр. В, ст. 6 (*ἐγερσι[μος]*): кроме одного случая в приписываемом Оппиану «Кинегетике», это прилагательное девять раз засвидетельствовано у Нонна. См. комментарий Ливреа к фр. В.

⁶⁷ *P. Oxy.* 37 (1971), № 2816; *Luppe W. Die Kosmogonie Pap. Oxy.* 2816. — *Philologus*, 1976, В. 120, S. 186—194 (там же — предшествующая литература).

к Музам-Пиеридам с просьбой вдохновить автора на песнопение, — стало быть, перед нами начало поэмы. Следующие ст. 9—16 излагают, как «отец (богов)», отождествляемый далее с неким $\delta\alpha\iota\mu\omega\nu$, решил положить твердые пределы для всего существующего в мире. Он боялся, что в противоположном случае эфир и «беспредельная земля», и море с его бушующими волнами столкнутся друг с другом во взаимной вражде и смешаются в Хаосе ⁶⁸, исчезнув во мраке. Архаизирующий стиль этой космогонии находится, как видно, в явном противоречии с гесиодовским представлением о становлении мироздания. Там «отец богов и смертных» Зевс приходит к власти в результате смены божественных поколений, когда уже давным-давно из первоначального Хаоса выделились Земля, Небо, Море и прочие элементы космоса ⁶⁹; и гесиодовские «демоны» — не более чем бесчисленные низшие божества, которые следят за соблюдением людьми норм справедливости ⁷⁰. Здесь «сотворение мира» представляется как однократный акт некоего «первотворца», «демиурга», кладущего предел стихиям ⁷¹, которые еще способны враждовать между собой и тем нести угрозу сотворенному порядку. Хаос представляется здесь не исходной неоформленностью, а нежелательным конечным результатом.

13. Традиционные гомеровские и гесиодовские формулы мы находим также во фрагментах из эпоса императорской эпохи, собранных Лобелем в том же 37-м томе Оксиринхских папирусов под № 2815 (II в.). Из 39 кусков папируса свыше 30 — мелкие и мельчайшие обрывки, среди которых фр. 9 дает, однако, ключ к идентификации всего текста: здесь сохранилось название города Келадоны, находившегося, согласно Стефану Византийскому, в Локриде и упомянутого в кн. I «Гигантиады» Дионисия. Стало быть, и все остальные фрагменты из № 2815 относятся к той же поэме, о которой можно предполагать, что содержание ее составляло сражение богов с гигантами — последний акт в утверждении власти олимпийского пантеона. Читаемые на папирусе словосочетания вполне согласуются с представлениями как о власти Зевса ($Z\epsilon\upsilon\varsigma\ \delta\epsilon\ \chi\rho\alpha\tau\omicron\varsigma\ \alpha\iota\epsilon\nu\dots$, фр. 1 а, ст. 3; $\Delta\iota\omicron\varsigma\ \epsilon\pi\iota\tau\epsilon\lambda\lambda\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\iota\omicron$, ст. 7), так и об утверждаемой с его приходом к власти справедливостью ($\{\alpha\}\phi\rho\omicron\sigma\upsilon\nu\eta\ \tau\epsilon\ \delta\acute{\iota}\kappa\eta\ \tau\epsilon$, ст. 2, и особенно $\delta\acute{\iota}\kappa\eta\ \upsilon\pi\epsilon\rho\ \upsilon\beta\rho\iota\omicron\varsigma\ \xi\acute{\epsilon}\xi\iota$ ⁷², ст. 11). В фр. 2 речь шла, вероятно, о лапифах; во всяком случае упоминались фессалийский царь Эгимий и двое его сыновей — Диман и Памфил, эпонимы двух древних дорийских фил (ст. 10 сл.).

Сложнее обстоит дело с идентификацией автора. Под именем Дионисия из Александрии, современника Адриана, известен автор «Описания ойкумены», насчитывающего около 1200 гексаметров; в одной из античных биографий ему же приписывается сочинение о гигантах. Есть также Дионисий, автор эпической поэмы «Bassarica», от которой известен целый ряд папирусных отрывков ⁷³, — предшественник Нонна в разработке темы странствий Диониса в Индии. А. Лески не склонен отождествлять их и

⁶⁸ Ст. 16: $\epsilon\varsigma\ \chi\alpha\omicron\varsigma\ \alpha\delta\theta\iota\ \mu\{\iota\gamma\omega\sigma\}$ в чтении Лунпе (Kosmogonie..., S. 193).

⁶⁹ Hes., Theog. 116—138. Ср. Hesiod. Theogony. Ed... by M. L. West. Oxf., 1966, p. 129 f.

⁷⁰ Hes., Op. 121—123, 252—255.

⁷¹ С образом точнее не определяемого творца, устанавливающего начало и конец свету и тьме, мы встречаемся и в комментарии к Алкману, сохранившемся на папирусе II в. н. э. — Р. Оху. 24 (1957), № 2390 = Poetae melici Graeci/Ed. D. Page. Oxf., 1962, № 5, fr. 2, col. II, v. 10s., 13—15, 19—25. См. Ярхо В. Н. Алкман, Гиппокоонтиды и мировая справедливость. — ВДИ, 1970, № 3, с. 45, 59—61; Ricciardelli Apicella G. La cosmogonia di Alcmane. — QUCC. N. S., 1979, v. 3, p. 7—27.

⁷² Ср. Hes. Op. 217. См. Ярхо В. К пониманию термина $\upsilon\beta\rho\iota\omicron\varsigma$ в древнегреческой поэзии архаического периода. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 356 сл.

⁷³ Heitsch E. Die griechischen Dichterfragmente der römischen Kaiserzeit. Göttingen, 1961, № XIX, фр. 9—14; наиболее крупный из них в изд.: Greek Literary Papyri. Text... by D. L. Page. L.—Cambr. Mass., 1962, № 134, p. 534—541. С «дионисовской» тематикой связан небольшой анонимный отрывок из Берлинского собрания (№ 21167). См. Maehler H. Neue Hexameter-Fragmente auf Papyrus. — ZPE, 1970, B. 6, S. 159—161.

автором «Гигантиады» считает второго из двух ⁷⁴. Этой же точки зрения придерживается Хэйч, помещающий ранее известные фрагменты из «Гигантиады» под именем Дионисия — автора «Bassarica» (op. cit., № XIX, fr. 15—26). Есть все основания прибавить к ним и новый папирусный отрывок.

14. К области непосредственно культовой поэзии следует отнести фрагмент из гимна, дошедший на папирусе I—II в. н. э. ⁷⁵ Сохранилась правая половина от восьми гексаметров, из них ст. 2—4 и 6—7 восстанавливаются первыми издателями *exempli gratia* по многочисленным параллелям в орфических гимнах и других памятниках поздней греческой литературы. Гимн обращен одновременно к Урану и Посейдону, который обитает (и в северном), и в южном полушарии, является заступником всех городов, началом и концом всего, наделяет (каждого его долей)... несет дневной свет и многорадостные дары плодов земли.

Сходство с орфическими гимнами, придающими каждому из богов десятки качеств, нередко совершенно противоположных, не вызывает сомнения. С другой стороны, в нашем папирусе нет еще такого бесконечного накопления эпитетов, каким отличаются орфические гимны, да и по времени он предшествует созданию их сборника, которое исследователи единодушно относят к периоду, начинающемуся не ранее конца II в. н. э. ⁷⁶ Таким образом, новый отрывок, знаменуя далеко зашедший синкретизм в божественном пантеоне и относясь к культовой поэзии того же типа, что и орфические гимны ⁷⁷, дает дополнительное представление об атмосфере, в которой возникала такая поэзия, предназначенная для исполнения в собрании участников культовой общины ⁷⁸.

15. Завершая обзор фрагментов эпоса, упомянем здесь в порядке исключения папирус, воспроизводящий текст уже известного литературного произведения. Это — узкая полоска с остатками 12 стихов из «Взятия Илиона» Трифиодора ⁷⁹, небольшой поэмы, которую обычно относили ко второй половине V в. н. э. ⁸⁰, находя в ней влияние Нонна. Между тем новый папирус датируется серединой III — началом IV в., заставляя рассматривать Трифиодора не как последователя Нонна, а как его предшественника. Эта «маленькая революция в хронологии» ⁸¹ античной поэзии императорского периода представляет значительный интерес для исследования литературы этого времени ⁸².

⁷⁴ Lesky. Op. cit., S. 868, 872.

⁷⁵ Ed. pr.: Koenen L., Kramer J. P. Köln. inv. 1171.— ZPE, 1959, B. 4, S. 19—21; ed.: Kölner Papyri, B. 1, bearb. von B. Kramer und R. Hübner. Opladen, 1976, № 6, S. 24 f.

⁷⁶ Ziegler K. Orphische Dichtung.— In: RE, Halbb. 36, 1942, S. 1332; Quandt Gu. Orphoi hymni. B., 1955, p. 44*.

⁷⁷ К лексическим параллелям, отмеченным в издании Б. Крамер, надо добавить $\sigma\omega\sigma\theta\rho\epsilon$ в нашем отрывке, ст. 6, и в орф. гимнах: 8, 12; 34,5; 56,3, а также $[\chi\alpha\rho\pi\omega\nu$ $\pi\omicron\lambda\upsilon\tau\eta\theta\epsilon\alpha$ $\delta\theta[\alpha]$, ст. 7, и гимны: 26, 10; 29,17; 36,14; 50,4; 56,12.

⁷⁸ По формальному признаку за пределами нашего обзора остаются неполные 12 гексаметров из космогонического гимна, выбитые в III в. н. э. на колонне, найденной недавно недалеко от Рима. См. Moretti L. Frammento di inno tardo-stoico sulla creazione.— In: Scritti storico-epigrafici in memoria di M. Zambelli..., Macerata, 1978, p. 251—256. См. также предложения к чтению текста, сделанные В. Пеком и В. Лупше,— ZPE, 1979, B. 35, S. 168 f.; 1982, B. 46, S. 163—166.

⁷⁹ P. Oxy. 41 (1972), № 2946. Cp. Livrea E. P. Oxy. 2946 e la constitutio textus di Trifiodoro.— ZPE, 1979, B. 33, S. 57—74.

⁸⁰ Lesky. Op. cit., S: 871, 873; Памятники поздней античной поэзии и прозы II—V веков. М., 1964, с. 56; Радциг С. И. История древнегреческой литературы. Изд. 4. М., 1977, с. 506.

⁸¹ См. Del Corno D.— In: Gnomon, 1976, B. 48, S. 235.

⁸² В частности, если в анонимном папирусе IV—V вв., описывающем какие-то погребальные игры, встречается сочетание $\pi\alpha\lambda\iota\nu\omicron\rho\sigma\omega$ ν Ἀρχα (Maehler. Op. cit., S. 152—159, fr. 1 recto, v. 7), то теперь его источником можно считать выражение $\pi\alpha\lambda\iota\omicron$ $\rho\sigma\omega\varsigma$ $\pi\epsilon\lambda\epsilon\mu\omicron\varsigma$ «повторное нападение», засвидетельствованное еще у Трифиодора, ст. 282. Кроме рассмотренных выше папирусных отрывков гексаметров имеется еще целый ряд менее значительных и неидентифицируемых текстов. Сюда относятся: 1) № 4 (с именами Ἦρώ , Εὐρύβιον , Θεσσαλ[όν] , Τληπόλε[μον] , Κοπρέα), 5—7 (?) из обзора Мюллера

16. Переходя к элегии, мы начинаем с поэта, чья хронология и общий характер творчества нам в целом достаточно хорошо известны, — с Тиртея. До начала 70-х годов единственным папирусом с текстом Тиртея был Берлинский 11675 (III в. до н. э.), впервые опубликованный в 1918 г. Виламовицем⁸³, затем заново обследованный Вестом⁸⁴ и в таком виде вошедший в его собрание⁸⁵ и в издание Джентили — Прато⁸⁶. В 70-е годы были найдены два новых отрывка Тиртея в собраниях из Оксиринок. Первый из них, I—II вв. н. э., представляет собой среднюю часть колонки, сохранившей 16 стихов; остатки стихов 12—15 читаются в четверостишии, давно известном из Страбона (фр. 2 Диль), с одним разночтением: в ст. 13 у Страбона τήνδε δέωμεν πόλιν, в папирусе — ἀστὺ δέωμεν τοῦδε. В предшествующих ст. 4—11 различимы лишь отдельные слова; от завершающего ст. 16 сохранился только родительный падеж γλαυκώπιδος — постоянного эпитета Афины, которая, как видно, помогала спартамцам подчинить себе жителей полуострова.

С этой же богиней мы встречаемся в первом хорошо сохранившемся стихе второго текста Тиртея из Оксиринок⁸⁷. Это — нижняя часть колонки из папирусного свитка III в. н. э. Из первых десяти стихов дошли только отдельные буквы; в ст. 5, вероятно, можно восстановить]κούροισι ἀνδ[ράσι τ'] «юношам и мужам». Ст. 11—22 представляют собой более связный текст, который я даю в переводе, пользуясь дополнениями первого издателя М. Хэслама: «...совоокая дочь эгидодержавного Зевса. Многие же, метнув копьа (ἀχοντίσσο[αντες], ...мужи, умеющие владеть острыми копьями, ...легковооруженные⁸⁸, выбегая вперед, ...аркадяне (? Ἀρ]καδες) (и сыновья) аргивян... у стены... вода (воду?)... Афины... ров... Ведь они всех убьют... из спартанцев⁸⁹, которых... свади (настигнут?) убегающих». Речь идет, как видно, о военных действиях, в которых аргивяне и аркадяне выступают против спартанцев; при Тиртее и еще задолго до него такая расстановка сил характеризовала ситуацию, складывавшуюся иногда в Пелопоннесе во время первой и второй Мессенских войн, когда аркадяне и аргивяне поддерживали мессенян⁹⁰. Единственный глагол в личной форме κτενεύουσ[ι] (20), употребленный в будущем времени, побуждает предположить, что сражение только еще предстоит: если спартанцы не выдержат натиска и обратятся в бегство⁹², то противники

(см. прим. 53). 2) West M. L. Wartetext 12: Hexameters (P. Mich. inv. 1261).— ZPE, 1974, В. 13, S. 282: начальные стопы 8 стихов; упоминаются «дева, ради которой...» (2), Амфитрион, древний Калидон, и два противника, «загоревшиеся враждой» (5), — стало быть, речь идет о сражении между Гераклом, сыном Амфитриона, и Ахелоем за Деяниру — дочь калидонского царя Ойнея; 3) Papiri letterari greci. Ed. da A. Carlini..., Pisa, 1978, № 30: обрывки 7 стихов с упоминанием Аркадии и Паррасия — то ли горы в Аркадии, то ли местного героя. Ср. Führer R. Ein Münchener Hexameterfragment.— ZPE, 1979, В. 36, S. 60; 4) P. Köln, II, 62: концы 19 стихов; 5) P. Köln. III, 129; отрывки 4 стихов; 6) Vassiliadis A. Hexameterfragment.— ZPE, 1981, В. 41, S. 29—32: два неполных гексаметра из эпизода, изображавшего, очевидно, преследование Астерии Посейдоном; автор — кто-то из подражателей Нонна; 7) Только по библиографии известно мне о существовании эпического фрагмента, включенного под № 56 в изд.: Pintaudi R. Dai papiri della Biblioteca Medicea Laurenziana. V. III. Firenze, 1979 (Papurologia Florentina, v. V).

⁸³ Wilamowitz-Moellendorf U. Dichterfragmente aus der Papyrussammlung der königlichen Museen.— SB Preuß. Akad., 1918, В. II, S. 728—736.

⁸⁴ West M. L. The Berlin Tyrtaeus.— ZPE, 1967, В. 1, S. 173—182.

⁸⁵ Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Ed. M. L. West. V. II. Oxf., 1972, Fr. 18—23.

⁸⁶ Poetarum elegiacorum testimonia et fragmenta. Ed. B. Gentili et C. Prato. Pars prior. Lpz, 1979, Fr. 10.

⁸⁷ P. Оху. 38 (1971), № 2824 = Fr. 2W = Fr. 1a GP.

⁸⁸ P. Оху. 47 (1980), № 3316.

⁸⁹ γ[υ]μνομάχοι — впервые в известных текстах.

⁹⁰ Σπα]ρτιγέων — первое свидетельство употребления этого слова в доклассической литературе; затем — у Геродота и — в аттической форме — у Еврипида.

⁹¹ Paus., IV, 11,1; 12,3—5; 14,8; 15,1, 7—8.

⁹² Ср. предложение издателя к ст. 21: ὀπίσσω[ς αἰσχρὸν ἔλη]ι κε δέος[ι].

всех их перебьют (20—22). Ход мысли напоминает здесь уже известные стихи Тиртея: описаниями в будущем времени полны отрывки, уцелевшие в Берлинском папирусе⁹³, а призывы к воинам не обращаясь в позорное бегство тоже неоднократно встречаются у спартанского поэта⁹⁴. Таким образом, по жанру новый отрывок может быть отнесен, скорее всего, к так называемым *ὑποθήκαι* — «наставлениям», как характеризует их словарь Суда (*testim.* 19 GP). Не противоречит этому и упоминание Афины, почитавшейся в Спарте в знаменитом «меднозданном» храме и в качестве Силлании вместе с Зевсом-Силланием⁹⁵. Может ли быть отнесен новый фрагмент Тиртея к какому-нибудь конкретному событию истории войны спартанцев с мессенянами?

Трудность положения состоит в том, что среди историков, как мы уже отмечали, нет согласия в оценке нашего единственного связного источника для периода Мессенских войн⁹⁶ — IV книги Павсания. Единственное, что признается всеми за достоверный факт, — это двадцатилетняя война спартанцев с мессенянами в последней трети VIII в.⁹⁷ Дальше начинаются разногласия; в частности, давно подвергается сомнению рассказ Павсания о ходе сражения при Ифоме на пятнадцатом году войны (IV 11, 3—8). Как повествует здесь Павсаний, в этой битве легковооруженные из числа мессенян и аркадян, имея каждый по несколько дротиков (*ἀκόντια πολλὰ*), а некоторые еще по длинному копью (*λόγχαι*), забрасывали ими спартанских гоплитов, а при их попытке перейти в наступление быстро от них уходили. Когда же увлеченные преследованием спартанцы, так никого и не догнав, возвращались в свои ряды, легковооруженные из лагеря противника нападали на них с тыла. Не подготовленные к такому виду боя, спартанцы должны были отступить.

Эта картина сражения при Ифоме считалась некогда очередным анахронизмом Павсания, для которого образцом-де послужило описание победы над спартанцами, одержанной пелтастами под командой Ификрата при Лехее (*Xen., Hell.* IV, 5, 11—16)⁹⁸. Недоверие к Павсанию по этой части сопровождалось и скептическим отношением к свидетельствам Тиртея — его элегии в свое время считали созданием неизвестного аттического поэта V в.⁹⁹ Сейчас гиперкритицизм в отношении личности и творчества Тиртея можно считать преодоленным¹⁰⁰; в частности, нет оснований сомневаться в достоверности его наставления спартанским легковооруженным (*τομμητας*) в одной из больших элегий, сохраненной Стобеем: здесь перед ними ставится задача, укрывшись за щитами и находясь поблизости от своих тяжеловооруженных, бросать в противника большие камни и метать в него копья¹⁰¹.

В новом фрагменте Тиртея речь идет, однако, не о предполагаемом наступлении спартанцев, а об опасности, грозящей им со стороны противника, и первый издатель папируса с полным правом обратил внимание на сходство изображенной в нем возможной ситуации с картиной

⁹³ Ср. фр. 10 GP, ст. 19, 20, 22, 24, 26, 28, 43, 46, 76 = фр. 19W, ст. 11, 12, 14, 16, 18, 20; фр. 20, ст. 15, 17; фр. 23, 13.

⁹⁴ Фр. 7 GP (10W), ст. 15—20; фр. 8 GP (11W), ст. 1—4, 11—15, 19—20; фр. 9 GP (12W), ст. 16—19.

⁹⁵ *Plut., Lycurg.* 6.

⁹⁶ *Oliv.* Op. cit., p. 102—114, 139—146.

⁹⁷ Павсаний датирует ее 743—724 гг.; поскольку, однако, в списках олимпийцев в 736 г. еще засвидетельствован представитель Мессении, начало войны переносится современными исследователями на середину 30-х годов VIII в.

⁹⁸ *Busolt G. Griechische Geschichte.* B. I. 2. Aufl. Gotha, 1893, S. 580, Anm. 6.

⁹⁹ *Schwartz Ed. Tyrtaeos.* — *Hermes*, 1899, B. 34, S. 428—468.

¹⁰⁰ См., например, *Jaeger W. Tyrtaios über die wahre ἀρετή.* — *SB Preuß. Akad.*, 1932, S. 537—568 (= *Scripta minora* II, Roma, 1960, p. 75—112); *Bowra C. M. Early Greek Elegists.* N. Y., 1960, p. 42—69; *Lesky.* Op. cit., S. 139—141; *Lirici Greci. Antologia a cura di E. Degani e G. Burzacchini.* Firenze, 1977, 1980, p. 83—86.

¹⁰¹ Фр. 8 GP (11W), ст. 35—38. Об участии пращников на стороне мессенян в первой войне см. *Paus.*, IV, 11, 3.

битвы при Ифоме у Павсания. По-видимому, воспоминание о понесенном тогда поражении сохранялось в Спарте на протяжении многих десятилетий ¹⁰², и теперь, в условиях второй Мессенской войны, Тиртей считает нужным напомнить своим соотечественникам о необходимости стойко сопротивляться уже известной им тактике мессенян. Предупреждение это должно было звучать тем более актуально, что вторая Мессенская война началась для спартанцев отнюдь не безоблачно, свидетельством чему снова служат стихи самого Тиртея: его соотечественники бывали и среди нападающих, и среди бегущих ¹⁰³.

Коль скоро новый папирусный фрагмент Тиртея заставляет с большим доверием отнестись к сообщению Павсания об одном из эпизодов первой Мессенской войны, есть смысл попытаться соотнести его с повествованием того же Павсания о ходе второй войны. Здесь, правда, историки расходятся между собой на несколько десятков лет, пытаются определить ее хронологические границы ¹⁰⁴; нет согласия и в оценке рассказа Павсания об осаде и взятии спартанцами Гиры (см. выше № 5 и прим. 44). Для локализации во времени нового папируса из Тиртея эти противоречия не имеют существенного значения: поскольку здесь упоминаются аргиевляне и аркадяне, для изображенной в нем ситуации остается только одно из трех сражений первых лет войны, упоминаемых Павсанием. Первое из них произошло при Дерах без участия союзников и не принесло победы ни одной из сторон (IV, 15, 4). На следующий год вместе с мессенянами выступили элейцы, аркадяне, а также вспомогательные отряды из Аргоса и Сикиона; на стороне спартанцев были коринфяне. Спартанцы не выдержали натиска, обратились в бегство и совсем пали бы духом, если бы их не сумел ободрить Тиртей. Это сражение Павсаний локализует у так называемой Могилы кабана, *Κατροῦ σῆμα* (IV, 15, 7—8; 16, 3—6). Еще через год, в битве у Большого рва, у мессенян с самого начала не было других союзников, кроме аркадян, которые, впрочем, предали их, уйдя прямо с поля боя и расстроив их боевые порядки (IV, 17, 2 и 6—9). Следовательно, содержащийся в папирусе призыв Тиртея к стойкости его соотечественников перед лицом аргиевлян и аркадян мог иметь место только перед сражением у Могилы кабана, но оказался малоэффективным; тогда-то и пришлось ему снова вдохновлять их на подвиги, на этот раз, судя по победе при Большом рве, — более результативно ¹⁰⁵.

Предлагаемая нами реконструкция приходит, таким образом, в противоречие с широко распространенным убеждением, что источником IV книги Павсания были исключительно авторы III в. Риан и Мирон, сами черпавшие сведения о легендарном прошлом Мессении у Каллисфена и Эфора, отделенных от событий второй Мессенской войны добрыми тремя столетиями ¹⁰⁶. Теперь, однако, нет оснований сомневаться в том, что для истории Спарты этого периода Павсаний мог опираться на Тиртея ¹⁰⁷, подобно тому как это делали в те же начальные века римской

¹⁰² Об учреждении спартанцами в 668 г. праздника гимнопедий с целью подготовки и закалки легковооруженных см. *Huxley. Early Sparta*, p. 54, 126, n. 345.

¹⁰³ Fr. 8 GP (11W), ст. 9—10.

¹⁰⁴ Предлагаемые на протяжении более чем столетия даты колеблются от 679—662 гг. до 630—600 гг. См. сводки в кн.: *Pausanias Description of Greece. Translated with a commentary by J. G. Frazer. V. III, 2-nd ed. L., 1913, p. 414; Oliva. Op. cit., p. 113. Павсаний датирует вторую войну 685—668 гг., но эта датировка расходится как с его собственными расчетами (война длилась 14 лет), так и с приводимым им же свидетельством Тиртея, по которому вторая война была отделена от первой двумя поколениями (IV, 15,1—2; 17,2; 6—11; 20—21).*

¹⁰⁵ В какой связи в новом папирусе упоминается ров (*τάφρον* или *τάφρου*, 19), остается неясным. См. вступительные замечания к первому изданию папируса, Р. Оху. 47 (1980), p. 1. Если отрывок, как мы полагаем, изображает ситуацию перед сражением у Могилы кабана, упоминание Большого рва было бы преждевременным.

¹⁰⁶ *Jacoby. Op. cit., S. 95—181; Pearson. Op. cit., S. 397—426.*

¹⁰⁷ Ср. *Cartledge. Op. cit., p. 113. Правда, не зная нового папирусного отрывка Тиртея, Кэрлдж отрицал достоверность сообщения Павсания о союзниках мессенян (p. 127), — как теперь видно, напрасно.*

империи Страбон и Плутарх, — новые папирусы Тиртея, относящиеся к I—II и к III в., показывают, что его сочинения были достаточно известны во времена Павсания. Разумеется, последний мог разукрасить данные, извлекаемые из Тиртея, подробностями, заимствованными у Ксенофонта, но сопоставление нового папируса Тиртея с изложением Павсания заставляет признать за исторический факт и участие легковооруженных на стороне мессенян в сражении при Ифоме во время первой мессенской войны и поражение спартанцев при Могиле кабана — во второй.

17. Следующий по времени текст в жанре элегии переносит нас на четыре столетия вперед — в эпоху расцвета а л е к с а н д р и й с к о й поэзии. Группа фрагментов конца III в. до н. э., добытых при демонтаже мумии и опубликованных впервые в издании папирусов из собрания в Лилле ¹⁰⁸, познакомила нас с интересным и до сих пор совершенно не известным произведением Каллимаха, которое может быть названо «Победа Береники». По форме это было повествование в элегических дистихах, по назначению — эпиникий на победу колесницы, посланной супругой Птолемея III Евергета на состязания в Немею. Значение новой находки трудно переоценить.

Во-первых, поскольку бракосочетание Птолемея III с киренской царевной Береникой ¹⁰⁹ произошло в 246 г., а Каллимах умер около 240 г., «Победа Береники» оказывается одним из самых поздних его произведений, дающим возможность составить представление о художественных принципах, поэтической технике и общественной позиции поэта в пору его творческой зрелости. Во-вторых, папирус, донесший до нас свыше 60 новых стихов Каллимаха, примечателен тем, что текст сопровождается комментарием, от которого сохранились довольно значительные отрывки, нередко помогающие уяснению общего смысла элегии. Эта «вспомогательная» часть папируса служит вдобавок свидетельством, что каких-нибудь 20—30 лет спустя после смерти Каллимаха он уже был отнесен к числу классиков, чьи сочинения издавались с обстоятельными комментариями ¹¹⁰. Наконец, содержание «Победы Береники» дает основание для некоторых выводов исторического порядка о характере царской власти Птолемеев в III в. и о месте литературы в эллинистическом Египте. Разумеется, каждый из обозначенных вопросов может и должен стать предметом специального исследования. Мы ограничимся

¹⁰⁸ Meillier C. Callimaque (P. L. 76 d, 78 abc, 79, 82, 84, 111 c). Stésichore (?) (P. L. 76 abc). — Cahiers de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille, 1976, v. 4, p. 257—360 (Каллимах — p. 261—286). Дальнейшая литература: Parsons P. J. Callimachus: Victoria Berenices. — ZPE, 1977, B. 25, S. 1—50; Kassel R. Nachtrag zum neuen Kallimachos. — Ibid., S. 51; Luppe W. Zum Anfang des Liller Kallimachos. — ZPE, 1978, B. 29, S. 36; idem. Οὐδεις εἶδεν οὐατροχίας. — ZPE, 1978, B. 31, S. 43 f.; Bornmann F. Zum Siegeslied des Kallimachos auf Berenike. — Ibid., S. 35; idem. Il nuovo Callimaco del papiro di Lille. — AR, 1978, v. 23, p. 187 s.; Livrea E. Nota al nuovo Callimaco. — ZPE, 1978, B. 32, S. 7—10; idem. Der Liller Kallimachos und die Mäusefallen. — ZPE, 1979, B. 34, S. 37—42; Barigazzi A. Callimaco e i cavalli di Berenice. — Prometheus, 1979, v. 5, p. 267—271; idem. Per la ricostruzione del Callimaco di Lilla. — Ibid., 1980, v. 6, p. 1—20 (очень вольная реконструкция текста); Livrea E., Carlini A., Corbato C., Bornmann Fr. Il nuovo Callimaco di Lille. — Maia, 1980, v. 32, p. 225—253.

¹⁰⁹ О юных годах Береники, в частности об участии в заговоре против Деметрия Прекрасного, см.: Justini epit. Pomp. Tr., 26,3; Wilcken U. Berenike. — RE, II, 1899, S. 284; Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides. T. I. P., 1903, p. 201, 245 s. О скульптурном портрете юной Береники см. Anti C. Ein Porträt der Berenike aus Kyrene. — Antike, 1929, B. 5, S. 6—22.

¹¹⁰ Другой недавно найденный образец такого комментария, относящийся, правда, к значительно более позднему времени (II в. н. э.), — отрывок, опубликованный Ф. Монтанари и содержащий цитату из Каллимаха (фр. 631). См. Montanari F. Un nuovo frammento di commentario a Callimaco. — Athenaeum, 1976, v. 54, p. 139—151. Затем — под № 21 в изд.: Papiri Letterari Greci. Ed. da A. Carlini..., Pisa, 1978, p. 155—161. Комментируемый стих — дактилический; остается, однако, не вполне ясным, взят ли он из элегического дистиха или из эпической поэмы в гексаметрах, например, из Гекалы. См. Luppe W. Zum Kallimachos-Kommentar P. Ticinensis I. — ZPE, 1978, B. 32, S. 11—13.

здесь, отчасти используя упомянутую выше литературу, только размышлениями самого общего характера.

Принадлежность новых папирусных отрывков Каллимаху обеспечивается их совпадением в целом ряде случаев с его известными фрагментами — № 383, 590, 176, 557, возможно, также 333 Pf. Кроме того, по содержанию к новому тексту примыкают фр. 55—59 и 177¹¹¹, а также, вероятно, 372, 597, 677¹¹² и 722. Таким образом, набирается свыше 170 стихов из общего объема, постулируемого для новой поэмы примерно в 200 строк. Содержание ее представляется в следующем виде.

В самом начале сообщалось о том, что колесница Береники одержала победу в Немейских играх, учрежденных в свое время Гераклом в память о победе над немейским львом. Однако описание самого сражения Геракла с неуязвимым хищником занимало в поэме, судя по всему, немало места, — более обстоятельно изображалось, как Геракл в поисках пещеры, где скрывается лев, забрел в заброшенную местность и натолкнулся здесь на дом бедного крестьянина Молорха, объяснившего Алкиду причину царившего вокруг запустения: на всех наводит ужас насланный Герой свирепый лев, который опустошает окрестности. И хотя Молорх сам пострадал от зверя (хищник растерзал его сына), он считает своим долгом принять, как положено, гостя. Пока хозяйка готовит ужин, Молорх делится с пришельцем еще одной своей бедой: его одолели мыши, и для борьбы с ними приходится изобретать всякого рода ловушки. В честь Геракла Молорх собирается зарезать барашка — едва ли не последнюю живность в его скромном хозяйстве, однако Геракл не хочет принять такую жертву и предлагает повременить с ней: если он вернется с победой, барашка надо будет зарезать в благодарность Зевсу, тем более что после убийства льва отпадут препятствия для разведения целого стада; если же Геракл погибнет в сражении с чудовищем и не вернется по истечении 30 дней, пусть Молорх принесет барашка в качестве искупительной жертвы.

Следующая группа отрывков повествует уже о возвращении Геракла после победы. Он сообщает Молорху, что Афина дала ему указание основать Немейские игры (возможно, что она также помогла ему одолеть льва), ужинает и проводит ночь у Молорха, а затем отправляется обратно в Аргос. Вернувшись, он посылает в подарок приютившему его хозяину мула. Несколько плохо сохранившихся заключительных строк содержали возвращение к современности: еще и теперь не пресекалась давняя традиция, которая и дала возможность Беренике завоевать славу победительницы в Немейских играх.

«Победа Береники» — не первый известный нам в творчестве Каллимаха образец эпиникия. Среди оксиринхских папирусов был в свое время найден отрывок элегии в честь видного птолемеевского сановника Сосибия, чья колесница одержала двойную победу — на Истмийских и на Немейских играх (фр. 384). Хотя дошедшие от этой элегии неполных пять десятков стихов составляют примерно половину ее объема, ни в одном из них не удается найти какого-либо намека на миф.

Иначе — в «Победе Береники». Подобно своему далекому предшественнику Пиндару, чья IV Пифийская ода, посвященная, кстати, тоже одному из предстителей царского рода в Кирене, на четыре пятых была занята историей аргонавтов и пророчеством об основании Киренского царства, Каллимах ограничивается достаточно кратким сообщением о победе своей царицы, — центральное место в элегии занимает легендарная история учреждения Немейских игр. Но в отличие от Пиндара Каллимах привлекает в этой истории не ее главное содержание — борьба Геракла со львом, хорошо известная и многократно описанная, а жанро-

¹¹¹ *Livrea. Der Liller Kallimachos...*

¹¹² *Henrichs, Zur Meropis...*, S. 70—73.

вая зарисовка, перемещающая героическое предание в обстановку скромного крестьянского дома. Аналогичный прием был использован Каллимахом, как это теперь известно, также в «Гекале» — с той лишь разницей, что фигура Молорха и весь эпизод с его участием является, по-видимому, изобретением самого Каллимаха (все позднейшие источники, излагающие эту версию, восходят к александрийскому поэту), в то время как образ Гекалы он мог найти уже у Филохора ¹¹³. В новой поэме более очевидно также противопоставление героического плана юмористическому: Молорх вынужден вести войну с мышами, придумывая против них всякие хитрости, подобно тому как Гераклу придется вступить в сражение со львом, которого не удастся одолеть одной лишь физической силой. В то же время текст новой элегии замечателен сознательно полемическим использованием эпико-лирической лексики и фразеологии, перенесенной в необычную для этих жанров стилистическую атмосферу ¹¹⁴.

Что касается места, которое «Победа Береники» занимала в творчестве Каллимаха, то фр. 55—56, несомненно, из нее заимствованные, дошли до нас как цитаты из III книги его главного произведения — «Причин». Больше того, как убедительно показал Парсонс, для «Победы Береники» не остается другого места, как в начале третьей книги. Таким образом, вторая половина «Причин» предстает теперь перед нами в своеобразном оформлении: она открывалась «Победой Береники» (первая элегия III книги) и замыкалась «Косой Береники» (последняя элегия IV книги) — обрамление было вполне достойно царственной покровительницы Каллимаха.

В этой связи его новая элегия дает основание поставить некоторые вопросы исторического и идеологического характера.

Согласно традиционной точке зрения, Птоломею, сделав опорой своей власти административный аппарат, служивший еще фараонам ¹¹⁵, подражали им и во внешнем оформлении царского достоинства: принимали при жизни обожествление, женились на сестрах и т. п. Действительно, Птолемей I Сотер вступил в последний, четвертый брак, со своей сводной сестрой Береникой; Птолемей II Филадельф взял в жены родную сестру Арсинию; наша Береника из Кирены, ставшая супругой Птолемея III Еввергета, собственно говоря, не приходилась ему родственницей: ее отец Маг, царь Кирены, был только усыновлен Птолемеем Сотером. Тем не менее по официальной номенклатуре она числилась «сестрой и женой царя» и даже дочерью Птолемея Филадельфа и Арсиной, и оба супруга почитались как θεοὶ ἐβερύεταί ¹¹⁶. В дальнейшем Береника была отождествлена с Афродитой и с Исидой — последнее обстоятельство получает особое значение в свете того, что в самом начале ее царствования она вместе с мужем посвятила святилище в Канопе Осирису — божественному брату и супругу Исиды ¹¹⁷. Словом, будучи по происхождению чистокровной гречанкой, Береника, став египетской царицей, в достаточной степени «египтизировалась». Вместе с тем, как показывает новая элегия, Береника не отказалась и от такого чисто греческого способа укрепления своего авторитета, как посылка колесницы на состязание в Немею и, вероятно, на другие аналогичные праздники, где киренские кони имели все шансы на успех. Во всяком случае, установление при Птолемею IV жреческой должности атлофоры, призванной обслуживать культ покойной царицы, свидетельствует о том, что ее победы в общегреческих соревнованиях не были забыты и после ее смерти.

¹¹³ *Plut.*, Theseus, 14.

¹¹⁴ *Parsons*. Callimachus, p. 21 f; *idem*. Recent Papyrus Find, p. 10; *Livrea*. Der Liller Kallimachos..., S. 38; *Bornmann*. Zum Siegeslied...

¹¹⁵ *Cp.* Le monde grec et l'orient. T. II. P., 1975, p. 461—481.

¹¹⁶ *Callim.*, fr. 110, 45; *schol. ad Vict. Beren.*, 2; *Der Kleine Pauly*, 1964, B. 2, S. 112 f.

¹¹⁷ *RE*, 1899, B. 2, S. 285 f.

Согласно другой традиционной точке зрения, александрийская поэзия, расцветавшая при дворе Птолемеев, слишком часто носила придворный характер и служила средством возвеличивания эллинистических монархов. В этой связи достаточно упомянуть так называемый XVII идиллий Феокрита — «Энкомий Птолемею», где союз Филадельфа и Арсиной отождествляется со «священным браком» Зевса и Геры (ст. 131—134). М. Е. Грабарь-Пассек в свое время справедливо отметила, что этим чисто официальным и холодным произведением Феокрит, может быть, и прибавил славы Птолемею, но себе не прибавил¹¹⁸. Между тем и в знаменитые «Женщины на празднике Адониса» искусно вплетена похвала Филадельфу (ст. 46—50, 106—108), и Каллимах в своем гимне к Делосу вложил в уста еще не родившегося Аполлона пророчество о рождении на о-ве Косе «другого бога» (ст. 162—170), имея в виду все того же Птолемея Филадельфа. Не отличается искренним чувством и достаточно известная «Коса Береники»¹¹⁹. Таким образом, упреки по адресу крупнейших александрийских поэтов в придворном характере их творчества не лишены известных оснований. «Победа Береники» заставляет внести значительные коррективы и в это представление: сам факт победы колесницы Береники излагался в ней крайне сжато; не чувствуется и прославления царственной победительницы, не считая эпитета *κασιγνήτω* ἱερὸν αἶμα θεῶν, отвечающего официальной номенклатуре Птолемея II и Арсиной II, чьим отпрыском Береника вовсе не была. В остальном «придворный» поэт пользуется случаем для создания картины скромного крестьянского быта — не без доли юмора и с использованием изысканных стилистических средств, свидетельствующим о том, что само это изображение — объект своеобразной литературной игры в руках художника, пишущего для избранной публики. Было бы, однако, ошибкой отождествлять эту эстетическую программу Каллимаха с низкопоклонством перед царствующим домом.

18. Другое дополнение к «Причинам» Каллимаха дает осуществленная М. Гроневальдом комбинация двух фрагментов: давно известного P. Oxy. 14, только предположительно отнесенного некогда к Каллимаху Пауэллом¹²⁰, и впервые опубликованного самим Гроневальдом папируса из коллекции Мичиганского университета¹²¹. В результате получилось 15 почти полных строк, в начале которых речь идет о бесплодности попыток заниматься в какой-то местности земледелием. После апелляции к примеру гомеровского Главка (Ил. VI 234—236), по неразумию выменявшего свои золотые доспехи на бронзовые (ст. 2—3), следовало описание сельскохозяйственного орудия *σμίλη*. Обычно это слово переводят как «двузубая кирка», но в нашем тексте оно сравнивалось с двусторонней секирой, «разрубающей дерево и кусающей с обеих сторон своей частью», так что ею может работать и лесоруб (4—6). Потребность в таком орудии вызывается тем, что земля в этой местности очень сурова: на ней не растет хлебное зерно и не приживается виноград — божественные дары Диониса¹²², а растут только дикie дубы, богатые кормовыми желудями, древней пищей азанов (7—11). Владыка этой земли некогда явился к ар-

¹¹⁸ Феокрит. *Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы*. М., 1958, с. 282.

¹¹⁹ Более индивидуальным было отношение Каллимаха к другой египетской царице — умершей в 270 г. Арсиное, жене Птолемея Филадельфа. Ее памяти он посвятил лирическую поэму «Обожествление Арсиной» (фр. 228 в комментарии; ср. фр. 507 и 392). Имя Арсиной, патронимик Ллагидов, начало редкого слова *ἀγγιθεός* («близкий к богам»), встречается в начальных стопах эллинистических гексаметров, сохранившихся на папирусе I в. н. э. (*Boyaval B. Quelques papyrus grecs.* — ZPE, 1970, В. 6, С. 7—9). Естественно, возникает предположение об авторстве Каллимаха, однако скудные остатки стихов не позволяют настаивать на этой идентификации.

¹²⁰ Powell. *Op. cit.*, p. 131.

¹²¹ Gronewald M. *Hellenistische Elegie: Kallimachos? P. Oxy. 14 + P. Mich. Inv. 4761 c.* — ZPE, 1974, В. 15, С. 105—116.

¹²² О том, почему Дионис выступает также как покровитель земледелия, см.: *Henrichs A. Die beiden Gaben des Dionysos.* — ZPE, 1975, В. 16, С. 139—144.

гивьянам в Авлиду, повздорил с Атридами и собрался возвратиться к себе домой, но дочь Зевса воспротивилась этому (12—16) — здесь текст обрывается.

Упоминаемые в ст. 11 азаны — обитатели Северо-Западной Аркадии, а владыка, явившийся из этих мест в Авлиду, — известный из Павсания вождь ополчения из небольшого аркадского городка Тевфида; соответственно и самого вождя звали Тевфид. Раздраженный длительным бездействием аргивян в Авлиде, Тевфид поссорился с Агамемноном и собрался увести домой своих аркадян, когда путь ему преградила Афина, принявшая образ Меласа, сына Опса. Тевфид в гневе ударил ее копьём в бедро и все-таки ушел из Авлиды вместе со своим войском. По возвращении домой ему привиделась Афина с раной в бедре, и после этого сам он стал страдать неизлечимой болезнью, а жителям Тевфиды земля перестала приносить плоды. Впоследствии они получили указание от Додонского оракула воздвигнуть статую Афины с повязкой на бедре, — эту статую Павсаний якобы видел своими глазами (VIII, 28, 4—6). У одного из античных схолиастов слова автора «Описания Эллады» вызвали негодование: Павсаний не мог-де видеть статую с повязкой, так как, по свидетельству Каллимаха, этот обычай был забыт уже в его время¹²³. Об интересе Каллимаха к истории Тевфида свидетельствует также его фр. 667. Таким образом, мы имеем прямое подтверждение, что он повествовал как о древнем аркадском обычае, так и о причине бесплодия аркадской земли, — наиболее подходящим местом для этого были, конечно, «Причины»¹²⁴. Авторство Каллимаха вполне доказывается и стилем изложения: реминисценция из Гомера, изысканная характеристика земледельческого орудия, периферийный миф из истории Троянской войны, редкая лексика, совпадающая с его же словарем в уже известных произведениях, — все приводит к выводу, что перед нами — отрывок из «Причин».

19. Еще два отрывка из «Причин» можно предполагать в двух кусках папируса из Сорбоннского собрания¹²⁵. Фр. *a* несомненно принадлежит ко 2-й книге, так как остатки от его первой строки совпадают с фр. 46, 2, относящимся к рассказу о медном быке Фаларида. Для фр. *b* возможность идентификации дает совпадение ст. 11 с фр. 475¹²⁶. Встречающиеся на папирусе слова *βυζυρον* и *Μουρσων* побуждают Парсонса¹²⁷ постулировать здесь повествование об откровении, посетившем поэта во время сна, и сопоставить новый отрывок по тону и содержанию с текстом P. Ant. III 113, fr. 1 (b). Если оба отрывка заимствованы из «Причин», они могли быть взяты из вступления к той же второй книге.

Два отрывка в элегических дистихах возвращают нас к л ю б о в н о й тематике, уже затрагивавшейся в разделе гексаметров. Оба текста составлены из папирусных фрагментов II в. н. э.

20. Из одиннадцати кусочков папируса, написанных одной рукой¹²⁸, Лобелю удалось выбрать пять, принадлежавших некогда к одной колонке длиной в 45 стихов. Судя по незаполненному пробелу слева в ст. 21, ст. 1—20 составляли окончание одной элегии, ст. 22—45 — начало следующей. Из первых 20 стихов достаточно связный текст дают последние 10 строк, в которых содержится перечень мифологических примеров, демонстрирующих губительность женской страсти: «...некогда тафийская

¹²³ Lloyd-Jones H. P. Oxy. 14 + P. Mich. inv. 4761: a Fragment of Callimachus, Aitia.— ZPE, 1977, B. 26, S. 55 f.

¹²⁴ Livrea E. Teuthis once again.— ZPE, 1979, B. 34, S. 43—45; Parsons. Recent Finds..., p. 10.

¹²⁵ Meillier C. Nouveaux fragments de Callimaque (P. Sorbonne Inv. 2248).— REG, 1976, v. 89, p. 74—79.

¹²⁶ В ст. 1 фр. b Ллойд-Джонс пронизательно обнаружил остаток элегического двустишия, известного до сих пор как fr. eleg. adesp. (14 West) (Lloyd-Jones H. Callimachus, fr. 46: An addendum to P. Sorbonne inv. 2248.— ZPE, 1977, B. 26, S. 57 f.; Bossi F. Callim. P. Sorb. 2248 b.— MCr, 1979, v. 13—14, p. 327 s.).

¹²⁷ Parsons. Op. cit., p. 8.

¹²⁸ P. Oxy. 39 (1972), № 2885.

дева (погубила) Эхинадские острова, и не (заботила ее мысль о том), чтобы добыть свободу страждущей отчизне; сокрушила силу Ниса его дочь... и из-за своей дочери испустил дух ее отец ¹²⁹; погубила Медея брата Апсирта, а ... — Диора, выдающегося из юных Эолидов (17). Впрочем, зачем это (тебе рассказываю?). Не для того, чтобы нечто похожее (ты совершила, а чтобы) свое сердце ты (не) согревала безумной страстью, которая, истомив тебя, сделает еще более достойной порицания (чем те)».

Из обрывков слов, сохранившихся в начале второй элегии, ясно только, что речь шла о мужском персонаже, который, очевидно, стремился спастись от внушаемой ему страсти. В остальном остается ограничиваться догадками. О первой элегии можно высказаться более определенно. Из четырех приводимых примеров женской страсти два (Медея и Скилла) очень известны и неоднократно использовались в античной литературе, у схолиастов и мифографов; о Комето («Тафийская дева») сохранились упоминания только у Аполлодора (II 4, 7) и в схолиях Цеца к ст. 932. Ликофрона, но ее история, аналогичная предательству Скиллы, была, очевидно, достаточно хорошо знакома во времена Овидия, если в «Ибисе» (361 сл.) Птерелай, отец Комето, упоминается вместе с Нисом без малейших дополнительных пояснений. Иначе обстоит дело с женщиной, ставшей причиной гибели Диора; имя его встречается лишь однажды во всех известных источниках — в гл. 2-й «Любовных историй» Парфения (см. прим. 62). Здесь сообщается, что у Одиссея во время пребывания на острове Эола завязался роман с его дочерью Полимелой, которую он оставил беременной. После отъезда Одиссея Эол замыслил отменить дочери, но его сын Диор, влюбившись в сестру, убедил отца дать ему Полимелу в жены. На этом рассказ у Парфения кончается, и остается непонятным, почему брак с Полимелой мог стать для Диора причиной гибели. Ясно только, что история эта воспроизводилась Парфением по поэме Филита «Гермес» ¹³⁰, т. е. принадлежала к изысканному эллинистическому репертуару, из которого она попала к неизвестному автору нашей папирусной элегии, сочиненной не ранее III в. до н. э., а, может быть, и много позже.

21. Значительно ближе к жизни другой элегический отрывок, к сожалению, плохо сохранившийся ¹³¹. Папирус относится ко II в. н. э., но сам отрывок по стилю может быть признан творчеством эллинистического автора.

В начальных стихах читаются только отдельные слова: «гибель», «ложе», «отваги (дерзости? *θράσος*)», «свидетельство колдовства» (2—8); дальше следует обращение к «владычице женщин» Артемиде, впервые называемой здесь *Λυτομένη* (9), и выражения, выдающие эротическое повествование: «жгучая страсть» (10); «девушке не подобает» или «...девушку; ведь не подобает оскорблять ¹³² меня, маленькую...» (11—12); «я беру на себя позор», «из-за твоей непримиримости» (13—14); наконец, «юноша, вложи себе в мысли» (15). Естественнее всего видеть в этом обрывке жалобу девушки на бросившего ее соблазнителя; за поддержкой она обращается к Артемиде, как Феокритовская Симефа — к Гекате и Селене и как героиня рассмотренного выше эпического отрывка (№ 9) — к Эриниям. Два эти фрагмента достаточно сходны и по тону (обращение ко 2-му лицу), и по ходу мысли (ср. *αἴσχος* — № 9, ст. 13; № 21, ст. 13), и оба вместе на-

¹²⁹ *ἀνέπνευσεν πατῆρ* — *Luppe*. — *Gnomon*, 1974, В. 46, S. 648.

¹³⁰ Может быть, у Филита роман Диора и Полимелы имел более мрачный конец — по аналогии с судьбой двух других детей Эола — влюбившихся друг в друга Макарея и Кавакки? Эта история, многократно обрабатывавшаяся в античности (ср. *Eurip.*, fr. 14—41; *Ovid.*, *Her.* XI; *Apollod.*, I, 7,3), у Парфения не отражена, вероятно, именно потому, что была широко известна и без него.

¹³¹ P. Oxy. 39 (1972), № 2884, fr. 2.

¹³² *[ὄβρι]ζειν εἰς(ς) ἐμὲ...* — *Luppe*. — *Gnomon*, 1974, В. 46, S. 648.

поминают, с одной стороны, знаменитую лирическую «Жалобу девушки»¹³³, с другой, — письма покинутых возлюбленных у Овидия¹³⁴.

Подводя итоги нашему обзору, попытаемся сделать некоторые выводы об историко-литературном значении открытых за последнее десятилетие папирусных текстов из эпоса и элегии.

1. Получены новые свидетельства о событиях на Пелопоннесе в середине VII в. до н. э. и о характере их отражения в более поздней поэтической и историографической традиции (№ 5, 16).

2. Расширилось наше представление о послегомеровском эпосе, который в ряде аспектов оказывается ближе к литературе классического и эллинистического периодов, чем это можно было предполагать раньше (№ 1, 3).

3. Проясняются некоторые новые стороны в облике эллинистического эпоса — «исторического» (№ 5—7), мифологического (№ 4, 8), эротического (равно как и любовной элегии) — и в его взаимоотношениях с римской «ученой» поэзией (№ 9—11, 21).

4. Значительно обогатились наши представления о творчестве Каллимаха, в том числе о новых сюжетах, использованных в «Причинах», и о построении поэмы (№ 17—19).

5. Появились новые свидетельства о деятельности александрийских филологов в конце III — первой половине II в. до н. э. (№ 17).

6. Добавились новые тексты из области древнегреческой поэзии римского периода (№ 13—14), и внесено существенное уточнение в хронологию позднего эпоса (№ 15).

В. Н. Ярхо

NEW PAPYRUS TEXTS IN THE SPHERE OF ANCIENT GREEK EPIC AND ELEGY

V. N. Yarkho

The author reviews hitherto unknown texts composed in hexameters and elegiac distichs published in the years 1971—1981. The most interesting among them are fragments of post-Homeric epic (the pseudo-Hesiod *Catalogue of Women* and the anonymous *Meropis*), a fragment of Tyrtaeus and a Lille papyrus with passages from Callimachus. The fragments of the *Catalogue of Women* (P. Turner, 1981, N 1) fit in, on the whole, with previously conceived ideas about that work, while they add a piquante touch conveying the sensation of love. The style of the *Meropis* (P. Köln 126) in many respects foreshadows the experiments in epic composition characteristic of the Alexandrian period. A small fragment of Tyrtaeus (P. Oxy. 3316) strongly supports the credibility of Pausanias's information on the progression of the Messenian Wars, in particular his account of Messenian tactics at Ithome. The new papyrus fragments of Callimachus (P. Lille 76d, 78abc among others), taken together with those known earlier (chiefly frags. 55—59, 177 Pf), make it possible to reconstruct the contents of his epinikion *The Victory of Berenice*; they also pose questions as to the nature of royal rule in the reign of Ptolemy Euergetes, the relations between the poet and the court, and the ideological orientation of the poet's verse. Other fragments of Callimachus are also discussed and a variety of

¹³³ Fragmentum Grenfellianum — см. Powell. Op. cit., p. 177—179.

¹³⁴ На границе между элегическими поэмами и эпиграммами находятся три пары дистихов, относящихся к III в. до н. э. и представляющих собой «монолог» ... устрицы. См. Lasserre F. L'élegie de l'huître (P. Louvre inv. 7733 inéd.).— QUCC, 1975, v. 19, p. 145—176; Marcovich M. P. Louvre inv. 7733 v.— ZPE, 1976, B. 23, S. 219 f.; Parsons P. The Oyster.— ZPE, 1977, B. 24, S. 1—12. Наконец, упомянем здесь еще два отрывка в элегических дистихах, принадлежащие к области *Wartetexte*: 1) P. Оху. 45 (1977), № 3211; ср. Haslam M. W. P. Оху. 45, 3211: lyric or elegiac.— ZPE, 1977, B. 27, S. 64; Luppe W.— In: Gnomon, 1979, B. 51, S. 1. Речь идет о ком-то, наделенном необычным счастьем; 2) P. Köln. 3 (см. прим. 19), S. 38—41, № 128: начала шести стихов от неизвестной до сих пор эпиграммы.

fragments from Hellenistic and later epic poetry — mythological (*P. Oxy.* 3000), «military-historical» (*P. Oxy.* 2814; 2818; 2883), cosmogonical (*P. Oxy.* 2816; 2815), religious (*P. Köln* 6), erotic (*P. Oxy.* 2817; *P. Köln* 63; *P. Laur.* III 277) and from love poetry in elegiacs (*P. Oxy.* 2884; 2885).
